

К. П. Обозный

Некоторые аспекты церковной проблемы лжесвященства на примере ситуации временно оккупированных территорий Северо-Запада России в 1941–1944 гг.

Проблема лжесвященства и самосвятства в истории церкви особенно обострилась во времена социальных смут, государственных переворотов и войн. В годы немецкой оккупации (1941–1944) благодаря строгой церковно-канонической позиции Псковская православная миссия во многом способствовала духовному возрождению. В то же время в воспоминаниях очевидцев и документах отмечаются случаи лжесвященства. В статье рассматриваются причины, классификация и духовные последствия этого явления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лжесвященство, самосвяты, Псковская миссия, Прибалтийский экзархат, таинства, церковное возрождение.

Всякий раз, когда Российское государство переживало кризисные периоды своей истории, деструктивные явления захватывали не только гражданские институты, армию и сами основы общественного порядка и согласия, но и проникали в церковную жизнь. Как правило, это было связано с попытками установления некоторой частью церковного народа самочинной автокефалии, упадком церковной дисциплины, с различного рода внутрицерковными нестроениями и превышением канонических прав. Одним из таких кризисных церковных явлений было лжесвященство, или «самосвятство». По тем или иным причинам кто-то, выдавая себя за клирика православной церкви, начинал совершать богослужения и таинства без епископского поставления на священническое служение, не имея на то никаких канонических и богословских оснований.

В XX веке подобные кризисные периоды возникали трижды. Первый начался после октябрьского переворота 1917 года, следствием которого стала гражданская война, а затем крах Россий-

ской империи. Развал страны привел к тому, что части единой Православной российской церкви отпадали от церковного центра, объявляя о своих автономных национальных правах или даже настаивая на автокефалии. Именно в этот период на Украине целая ветвь некогда канонической церкви уходит в раскол, получив название «липковщина» по имени своего зачинщика. Можно сказать, это яркий пример массового самосвятства, когда пренебрегая церковными канонами и христианской священной традицией, епископов поставляли пресвитеры и лаики [Фотиев, 46].

Второй период церковной смуты (прежде всего на территориях Украины) возник во время Второй мировой войны и немецкой оккупации. Хаос и церковную разобщенность в какой-то степени спровоцировали не только национально-политические проблемы, которые обострились еще в начале XX века, отсутствие единого церковного центра из-за военных действий, но и религиозная политика немецких оккупационных властей, которые своей основной задачей как раз видели усугубление церковной раздробленности и разжигание взаимной враждебности между различными частями православной церкви.

Третий период кризиса церковного единства в годы крушения советской империи стал продолжением проблем начала и середины XX века, его эпицентр вновь находился на Украине.

Далее будет затронуто только одно из перечисленных болезненных явлений, связанных с церковными нестроениями, — проблема лжесвященства, локализованная в географических рамках Северо-Запада России и хронологически ограниченная периодом немецкой оккупации 1941–1944 годов.

На сегодняшний день достаточно хорошо изучен феномен церковного возрождения, который охватил практически все территории Советского Союза (от Прибалтики до Северного Кавказа и Крыма), оказавшиеся, начиная с лета 1941 г., в условиях временной немецкой оккупации. Наиболее последовательно, организовано и в созвучии с церковными канонами происходили процессы церковной реставрации на оккупированных территориях Ленинградской епархии, включавшей в то время районы некогда отдельных Новгородской и Псковской епархий. Церковная жизнь разворачивалась под эгидой Псковской православной миссии, учрежденной экзархом Прибалтики митрополитом Сергием (Воскресенским). Здесь не только восстановили церковно-приходскую структуру, но и предприняли огромные усилия в направлении духовного просвещения, христианской миссии и даже

катехизации, которая охватила большие слои мирного населения различного возраста.

Следует отметить, что в прифронтовых областях России, находившихся в духовном ведении Миссии, оккупационный режим оказался более щадящим, так как был представлен не гражданской администрацией в лице партийных вождей, проводивших жесткую политику в отношении мирного населения, а военной администрацией в лице командования армий группы «Север» и военными комендантами на местах. Их позиция отличалась более прагматичным и взвешенным подходом к вопросам управления оккупированными восточными территориями. Один из таких принципиальных вопросов — терпимое отношение к процессам церковного возрождения.

Другой отличительной особенностью можно считать строгую каноническую приверженность Московской патриархии самого экзарха Сергия (Воскресенского), до последних дней жизни возносившего за литургией имя Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), а также всего подведомственного ему духовенства как в рамках Прибалтийского экзархата, так и там, где проходило служение Псковской православной миссии.

На оккупированных территориях Ленинградской области православные клирики могли открыто совершать богослужения только в случае вхождения в состав Миссии. Для этого необходимо было представить в управление Миссии документы о посвящении в сан пресвитера, а также находиться в каноническом и евхаристическом общении с клиром и епископатом Московской патриархии. В одном из документов Управления, адресованном прежде всего оккупационной администрации, подчеркивалось, что к совершению богослужений допускались лишь те священнослужители, кому «после проверки их прав и их прошлого управлением Миссии или по ее поручению отдельным миссионерам были выданы необходимые для этого свидетельства» (цит. по: [Шкаровский. *Политика Третьего рейха*, 241]). Весьма примечательно, что немецкие власти также были обеспокоены вопросами состояния клира Миссии. В сводке «Зихерхайтсполиции и СД» от 6 ноября 1942 г., отправленной из Пскова в Берлин, говорилось, что «Миссия отвечала за каноническую проверку назначаемого духовенства и его политическую деятельность» (цит. по: [Алексеев, *Ставра*, 152]). Таким образом, церковное руководство больше уделяло внимания церковно-дисциплинарному аспекту

этой проблемы, а государственную власть, как всегда, интересовала прежде всего степень лояльности духовенства в отношении оккупационного режима.

Принципиальная позиция в отношении подведомственного духовенства неоднократно находила свое подтверждение в распоряжениях Экзаршей канцелярии и циркулярах управления Миссии. Так, например, в октябре 1941 г. секретарь Управления свящ. Георгий Бенигсен обратился к клирикам, находящимся на оккупированных территориях, с призывом регистрироваться в Управлении, он также давал указания, как принимать в общение обновленцев, григориан, иосифлян, и о служении на временных престолах [*Дело 1118-44, Л. 293*].

Осенью 1942 г. появился циркуляр, касающийся тщательной проверки прав на священнослужение подведомственного духовенства, началось составление послужных списков. Эта мера была направлена против лжесвященников, проникших на каноническую территорию Псковской миссии: «...встречаются случаи, когда в приходах богослужения и требы совершаются “самосвятами”, то есть лицами, не имеющими архиерейского посвящения и, следовательно, права священнодействия. О таковых лжесвященниках и лжедьяконах необходимо немедленно сообщать районным благочинным или управлению Миссии и до получения разрешения не допускать их к совершению богослужений и треб» (цит. по: [*Известия и распоряжения, 12*]).

Управление Миссии в донесениях митр. Сергию отчитывалось «о появлении священников самозванцев, лиц, выдающих себя за священников, не получивших хиротонии, и священников, являющихся из Советского Союза, где они скрывали свой сан, трудясь, как чернорабочие или занимая какие-нибудь гражданские должности». Из Риги начальнику Управления прот. Кириллу Зайцу пришла подробная инструкция в отношении проверки подобных лиц — действительные ли они священнослужители: «Где и от какого епископа получили посвящение? Где служили до последнего времени? Если не служили, то почему? Всякий, выставляющий свою кандидатуру, должен заполнить подробную анкету с подробными биографическими данными». Нужно было постараться «выяснить священство ли как таковое его привлекает или что-нибудь другое? Если он кается в бывшем заблуждении, то искренне ли покаяние его?» [*Дело 1118-44, Л. 96*].

Сохранилось свидетельство прот. Кирилла об одном из случаев появления самосвята: «В погосте Болотске, Солецкого округа,

где не было священника, появился откуда-то самозванец Симеон Тяпкин и стал совершать богослужения. Мне пришлось выезжать туда, чтобы установить его личность. Оказалось, что он и не священник и не дьякон. После службы его уже в церкви не было — скрылся» [Дело 1118-44, Л. 97].

В одной из книг М. В. Шкаровского названы имена других самосвятот, активно проявивших себя в Новгородском округе в 1941–1942 гг. — Н. Кашин, Н. Савельев [Шкаровский. Церковь зовет, 231].

* * *

Для понимания причин этого явления попытаемся определить основные типы самосвятот на оккупированных территориях Ленинградской епархии. К первому типу можно отнести ревностных мирян, которые порой превышали свои канонические церковные права. Хорошо известно, что к началу войны в этом регионе практически не сохранилось легальное православное духовенство, единичные храмы, еще не закрытые советской властью, зачастую не имели настоятелей. Однако духовная жизнь не прекращалась — оставались активные общины, в которых было достаточно мирян, имеющих церковно-литургический опыт, что давало возможность сохранить общую молитву мирянским чином, некоторые обряды и даже таинства. Известно, что по церковным канонам таинство крещения в исключительных случаях (к таким случаям можно отнести и отсутствие священнослужителя) могут совершать верные христиане, имеющие живую духовную связь с Матерью-Церковью.

В годы деятельности Псковской миссии ситуация с обеспеченностью приходов духовенством по-прежнему оставалась крайне острой. Конечно, по сравнению с предвоенным периодом произошли серьезные сдвиги, но все же священники-миссионеры зачастую вынуждены были окормлять одновременно несколько приходов. В 1941–1944 гг. усилиями Миссии были восстановлены к церковно-литургической жизни более 400 храмов, но число клириков в последние месяцы деятельности (конец 1943 г.) не превышало 180 человек, т. е. некоторые храмы не имели постоянно священника. Именно поэтому подчас обязанности пресвитера вынуждены были выполнять дьяконы, псаломщики и даже старосты приходов, тем самым нарушая церковные каноны. Эти люди оправдывали свои действия духовной потребностью прихожан

в церковной молитве и храмовом богослужении. Например, в с. Вехно, что под г. Новоржевом, на приходе не было священника, хотя сохранилась крепкая община верующих, и службы совершал дьякон. В самом Новоржеве служил его родственник — престарелый священник Иоанн Троицкий. Однажды о. Иоанн сделал замечание дьякону из Вехно, когда узнал, что тот в Страстную пятницу за богослужением выносил плащаницу (в традиции православной церкви это прерогатива пресвитера): «Что же это ты плащаницу выносишь, когда есть я» [*Кирилл (Начис), 1977*].

Ко второму типу самосвяттов с некоторой долей условности можно отнести тех клириков, кто в довоенные годы в СССР уклонился в обновленческий раскол, отрекся от Церкви и сложил с себя священный сан, а затем, спустя несколько лет, уже в годы войны на оккупированной территории, начал вновь совершать таинства, обряды и богослужения. Причем действовал самочинно, без восстановления единства со св. Церковью и благословения священноначалия. Подобные примеры встречались и на приходах, подведомственных Псковской миссии.

Осенью 1941 г. в Гдовском благочинии появился «некий Ирадионов», выдававший себя за дьякона и временно занимавший должность заштатного псаломщика в храме, где не было священника. Ирадионов своей рукой написал удостоверение, в котором значилось, что предъявитель документа является священнослужителем, и предъявил его церковному старосте с требованием разрешить совершать богослужения. Староста в свою очередь обратился за разъяснением к благочинному Гдовского округа свящ. Иоанну Легкому и представил удостоверение Ирадионова. Таким образом подлог самозванца был разоблачен [*Дело 1118-44, л. 97*].

Как позже выяснилось, Владимир Ирадионов действительно когда-то был православным священником. Однако после установления советской власти в России он перешел в обновленчество, а затем из-за страха перед репрессиями сложил с себя священный сан. В июне 1941 г. уехал из Ленинграда на лето к родственникам в Гдовский район и вскоре оказался на оккупированной территории. После своего разоблачения Ирадионов принес покаяние за добровольное снятие священного сана и участие в обновленческом расколе, после чего «он был принят Православной Миссией в молитвенное общение с Церковью и вновь начал служить священником» [*Груздев, Ганф, 150*].

В течение всего времени деятельности Православной миссии Ирадионов обслуживал духовные нужды населения в Гдове и его

окрестностях. Вскоре после окончания немецкой оккупации его арестовали сотрудники СМЕРШа, он был осужден за измену родине на 15 лет лишения свободы, но вскоре умер в тюремной больнице [Груздев, Ганф, 152].

Среди самосвятлов было немало людей, пытавшихся использовать «профессию» священнослужителя в корыстных интересах. В трудных условиях войны и оккупации, прикрываясь своей якобы принадлежностью к православному клиру, они старались выгодно устроиться и получить некоторую гарантию безопасности. К этой категории можно отнести различного рода авантюристов низкого культурного и морального уровня. Для них статус священнослужителя был привлекателен прежде всего с материальной стороны.

По установленному порядку клирики Миссии зарплату не получали, а имели доход в виде добровольных пожертвований от верующих и прихожан храма. Экзарх Сергей (Воскресенский) неоднократно направлял в Псков в управление Миссии строгое предписание для подведомственного клира, в котором говорилось: «...поставить в известность подведомственное духовенство о необходимости строгого соблюдения добровольной оплаты требоисполнений», таким образом стараясь пресечь всевозможные попытки «вымогательства со стороны духовенства» [Дело 1118-44, Л. 292]. Канцелярия Управления распространила циркуляр, касающийся обязанностей настоятелей приходов. В нем также подчеркивалось, что нужно «тайинства преподавать своим прихожанам безвозмездно, а за труд молитвословий, не составляющих тайнств, довольствоваться тем вознаграждением, какое добровольно, без всякого вымогательства, будет даваемо прихожанами». В циркуляре имелось строгое предупреждение, чтобы «при безвозмездном совершении тайнств не упрекать прихожан в неблагодарности и в отмщение за оную, от совершения тайнств ни под каким предлогом не отказываться» [Переписка, Л. 27]. Нарушителям грозило строгое взыскание: «священник, который требует за совершение служебных действий гонорар или установил за свою службу определенное вознаграждение, подлежит устранению», то есть извержению из числа служителей Псковской Миссии [цит. по: Шкаровский. Политика Третьего рейха, 242].

Нужно ли подробно останавливаться на том, с какой любовью и благодарностью относились многие прихожане к священникам-миссионерам, как заботились о своих пастырях, уделяя для их содержания самое лучшее и первое, как это и должно быть

в традиции исполнения заповеди о десятинах? У священнослужителей не было официальной заработной платы, но они всегда находили материальную поддержку у благодарных прихожан. И вот эти элементарные комфорт и сытость привлекали самозванцев, которые спекулировали на религиозных чувствах населения и крайнем дефиците православных клириков.

Важно учесть, что и немецкая оккупационная администрация, и военнослужащие вермахта зачастую относились к православным священникам с уважением и некоторой долей доверия. Это вполне объяснимо. Во-первых, священники в большинстве случаев, как уже было сказано выше, пользовались авторитетом у мирного населения. Оккупационные власти использовали церковный ресурс, когда нужно было довести до мирного населения свои требования и принципы внутренней политики. Во-вторых, следуя разумной логике, немецкие власти не без оснований полагали, что поскольку церковнослужители являлись последовательными врагами коммунизма (ведь советская власть в предвоенный период поставила своей целью полное истребление церкви), то они по определению должны были стать союзниками германской администрации, которая лояльно относилась к процессам церковного возрождения на контролируемой ею территории.

* * *

Представленные доводы могут быть хорошо проиллюстрированы скандальной историей самосвята Ивана Амозова, достигшего определенного уровня на поприще церковной карьеры. Он исполнял обязанности благочинного в районе населенных пунктов Вырица — Тосно — Любань — Саблино — Мга, сумел войти в доверие к сотрудникам немецких спецслужб и опирался на их поддержку в борьбе с неугодными людьми.

Стоит подробнее остановиться на судьбе этого «классического» самосвята, поскольку критики именно этот печальный пример нередко используют для обличения деятельности всех сотрудников Псковской православной миссии.

Как видно из документов, Амозов никогда не был не только священнослужителем, но и верным православным христианином. Вся его скандальная деятельность в годы немецкой оккупации была направлена на удовлетворение собственных амбиций и материальных желаний, которые, как правило, не имели ничего общего с церковным возрождением. Они несли в себе соблазн

для паствы и внешних, разрушали церковную жизнь и вредили репутации православных клириков.

Иван Амосов происходил из традиционной крестьянской семьи, не чуждой православному укладу жизни, его отец был церковным старостой. Закончив два класса Петрозаводской духовной семинарии, Иван бросил учебу и отправился в путешествие по православным обителям. После восьми месяцев послушнической жизни на Валааме он «разочаровался в монашеской жизни» и в 1904 г. уехал в Петербург [Дело 242-45, Л. 61]. Там он попал в рабочую среду, участвовал в марксистском кружке, в забастовках, затем, спасаясь от полиции, вернулся домой в Олонецкую губернию. Некоторое время Амосов учительствовал в Тихвинском уезде, в 1909 г. закончил курсы псаломщиков и проходил практику в церквях и монастырях Новгородской епархии. Однако вскоре оставил церковное поприще и направился в Петербург на гвоздильный завод, где примкнул к рабочему движению.

В августе 1914 г., надеясь избежать мобилизации в армию в связи с начавшейся мировой войной, Иван покинул столицу и уехал в Новгород, где получил назначение на должность псаломщика в Белозерском уезде. Но псаломщики были лишены брони от призыва на фронт, и в ноябре 1915 г. Амосова призвали в действующую армию. Он неоднократно дезертировал; события февральской революции встретил в Петрограде в рядах демонстрантов. Поначалу Иван находился под влиянием эсеров, но в апреле 1917 г. попал на собрания большевиков, и с этого момента началось восхождение Амосова по карьерной линии советского функционера.

В декабре 1919 г. Иван Амосов получил партбилет Российской коммунистической партии большевиков, где значился стаж начиная с 1910 года. Это была фальсификация, и позже она послужила поводом для начала следствия.

Амосов занимал различные ответственные должности в партийных и советских органах. Особо следует отметить, что в 1920–1921 гг. он работал председателем трибунала войск ВОХР Приволжского военного округа в Симбирске, а затем в Казани. В 1926 г. стал помощником Ленинградского губернского прокурора¹. Затем был секретарем парткома в различных организациях и предприятиях. Пик карьерной кривой Амосова приходится

1. В 1924–1929 гг. проходила реорганизация губерний в области, поэтому некоторое время существовали подобные переходные именованья.

на 30-е годы. В 1933 г. он служил в спецотделе прокуратуры СССР помощником прокурора при особоуполномоченном ОГПУ СССР, с зимы 1934 г. — зам. начальника политотдела Московской областной милиции. Осенью 1935 г. переехал в Ленинград и около двух месяцев работал в качестве члена спецколлегии областного суда, затем был назначен на должность помощника начальника политотдела Ленинградской городской и областной милиции.

На этом карьере И. Амозова прервалась. В июне 1936 г. он был исключен из членов ВКП(б), арестован и осужден на 5 лет ИТЛ [Дело 242-45, Л. 66]. По признанию самого Амозова, «за незаконное получение в 1922 году ордена “Красного Знамени” и присвоение партийного стажа с 1910 года, т. е. как аферист» [Дело 242-45, Л. 67].

Срок пребывания Амозова в колымских лагерях закончился за неделю до начала войны. В августе 1941 г., пытаясь попасть в Ленинград, он оказался в немецком плену и был отправлен в лагерь под селением Мга. Здесь и началась его «новая» жизнь и история его самозванства.

Как-то в лагерь пришел православный священник Соболев для отпевания умерших узников. Во время совершения службы Амозов подошел и стал подпевать. После отпевания о. Соболев спросил нежданного помощника, как тот познакомился с церковным пением и православным обрядом. Узнав, что он в прошлом служил псаломщиком, посоветовал, как попытаться выбраться из лагеря, используя свой церковный опыт. В округе к тому времени начали стихийно открываться православные храмы, священнослужителей катастрофически не хватало. Соболев благословил нового знакомого обратиться к администрации лагеря с просьбой об освобождении как члену православного причта.

Амозов не замедлил воспользоваться советом и доложил переводчику, что является священником и желает выполнять свои пастырские обязанности. Через два дня его вызвал немецкий офицер, и Амозов представил следующую версию: якобы до 1912 г. он служил дьяконом, с 1912 по 1922 г. священником, а потом попал под репрессии советской власти. Рассказ был выслушан благосклонно. Через некоторое время его вызвали в штаб, где немецкий майор еще раз спросил самозванца о священнической специальности, работе и жизни в Советском Союзе.

В итоге Амозова выпустили из лагеря, и он получил разрешение исполнять священнические обязанности. По просьбе верующих из дер. Лезье 26 октября 1941 г. Амозов перешел туда на постоянное

жительство и начал совершать богослужения в местном храме. От прихожан новоявленный «священник» получил облачение, крест, Евангелие и разную церковную утварь, т. е. все то, что им удалось сохранить после закрытия храма [Дело 242-45, Л. 68].

В январе 1942 г. Ивана Амозова вызвали к военному коменданту дер. Лезье и ознакомили с распоряжением, согласно которому всему духовенству северо-западных районов предлагалось «явиться в город Псков в “Православную Миссию в освобожденных областях России” для регистрации и получения установок в церковной работе» [Дело 242-45, Л. 69].

Получив в начале февраля 1942 г. пропуск в комендатуре, Амозов выехал в Псков. В управлении Миссии он представился начальнику Миссии прот. Кириллу Зайцу, секретарю Управления о. Георгию Бенигсену и рассказал свою «легенду», которая ранее с доверием была воспринята немцами. В следующий раз самозванец присутствовал на заседании Управления, где помимо о. Кирилла Зайца и о. Георгия Бенигсена были митрофорный протоиерей Сергей Ефимов, священник Константин Шаховской, служащий Миссии Константин Кравченко. Они расспрашивали Амозова о его жизни в Советском Союзе, о текущей обстановке в прифронтовой полосе, а потом начали задавать вопросы экзаменационного характера, чтобы проверить, действительно ли он является священником или только старается выдать себя за него. Амозов отвечал, хотя нередко сбивался. Помогли знания и опыт, обретенные когда-то во время учения на курсах псаломщиков и служения на приходах и в обителях. Впрочем, может быть, экзаменаторы проявили снисхождение к уже немолодому, но активному кандидату в священнослужители. По решению членов Управления Амозова зачислили в число клириков, подведомственных Миссии, и даже дали назначение на должность уполномоченного Миссии на территории восьми приходов. Он должен был контролировать деятельность священников из этих приходов (в селах Вырица, Мга, Лезье, Саблино, Поповка, Тосно, Любань, Ушаки) и доводить до их сведения все послания и распоряжения, исходящие из управления Миссии [Дело 242-45, Л. 70].

Члены Управления вспоминали, что Амозов произвел на них самое хорошее впечатление. «Это впечатление было настолько велико и положительно, что Амозова, как примерного священника, направили в г. Ригу для представления митрополиту Сергию, а затем поручили ему заведование целым прифронтовым округом у Ленинградского фронта и районы: Тосненский, Любанский и другие» [Дело 1118-44, Л. 713].

При первой встрече собеседник подпадал под обаяние красноречия Амозова, приводимые им доводы казались убедительными. Так, члены Управления поначалу поверили лжесвященнику, когда тот рассказал о своих якобы 15-летних мытарствах по советским лагерям и тюрьмам за исповедание веры. По-видимому, эти рассказы были настолько впечатляющими, что псковский отдел СД даже предложил ему выступить по радиоэфиру. Амозов дважды выступал в радиопрограммах с повествованием о своем «мученическом пути» в Советском Союзе [*Дело 1118-44, Л. 117*].

При исполнении обязанностей благочинного Амозов проявил невиданную ревность и энергию: объезжал деревни и приходы вверенного ему округа, открывал церковные школы и одновременно являлся инспектором этих школ, оборудовал фельдшерский пункт и сам же был его заведующим. При этом по свидетельствам нескольких священников, знавших Амозова, самосвят пользовался большим доверием и даже поддержкой у оккупационных властей, добываясь желаемого лестью, готовностью безукоризненно исполнять предписания немецкой администрации и СД. Пользуясь таким могущественным покровительством, Амозов, «как человек гордый, сумбурный и бестолковый, притом гордящийся своей неограниченной властью... с неимоверной жестокостью стал обращаться с... подчиненным ему духовенством, ругался, неистовствовал; глубокого старца игумена Кирилла заставил стать... на колени и каяться, что он без хиротонии, так как у него нет документов. Несчастный старец по простоте своей только земно кланялся и одно лишь твердил: “Я посвящен, я настоящий игумен”» [*Дело 1118-44, Л. 116*]. Подобным издевательствам подвергались и другие клирики (например, Гатчинский старец Серафим и другие). Попадавшие в немилость к Амозову, не желавшие ему подчиняться или чем-либо его не устраивающие рисковали оказаться под подозрением у немецких спецслужб. Лжесвященник отправлял в СД многочисленные доклады с обвинениями в политической неблагонадежности как на светских членов двадцаток, старост, так и на духовных лиц, в том числе на членов управления Миссии: священников о. Петра Жаркова, о. Николая Шенрока, о. Иоанна Легкого и даже на прот. Кирилла Зайца. Как правило, Амозов писал доносы в корыстных интересах, из-за личной выгоды; он занимался шантажом, запугивал людей, вымогая у них деньги, вещи и т. п. [*Дело 1118-44, Л. 713*]. Так, например, он требовал 300 рублей у иеромонаха Афиногена (Агапова) из Тосно, угрожая в противном случае упрятать его в тюрьму [*Дело 1118-44, Л. 713 об.*].

Как единодушно утверждали члены Управления, по доносу Амозова были арестованы, а затем расстреляны гатчинский протоиерей Александр Петров и орлинский священник Иоанн Суслин. Отца Александра Петрова сочли агентом НКВД: «...говорили, что в большевистское время Петров выдал большевикам 15 человек враждебно настроенных к большевизму» [*Дело 1118-44, Л. 713 об.*]. Амозов взялся за проверку достоверности этих слухов, после чего о. Александр был арестован и казнен как агент советской разведки [*Дело 1118-44, Л. 116*].

Весной 1943 г. Амозова перевели поближе к Пскову. Поначалу он служил в Георгиевской церкви погоста Камно, где сразу вошел в конфликт с церковным старостой Поташевым. В своих доносах, адресованных в Псковское СД, Амозов обвинял того в нежелании исполнять предписания немецкого командования, в политической неблагонадежности, в растрате церковных сумм и, наконец, якобы в покушении на него [*Дело 1118-44, Л. 713 об.*]. Дабы остановить нагнетание страстей, по решению управления Миссии скандального «священника» отправили в Любятовскую церковь, находящуюся в пригороде Пскова. Однако и там он не мог ужиться с прихожанами и церковно-приходским советом, на отдельных членов которого также посылал доносы в СД [*Дело 1118-44, Л. 713 об.*]. Нужно сказать, что в псковском СД к Амозову отнеслись прохладнее, чем в СД северных прифронтовых районов. Он уже не пользовался доверием оккупационных властей. Поток доносов от него насторожил даже сотрудников немецких спецслужб, тем более — к чести последних будет сказано — всю информацию от клеветника в рясе псковский отдел СД перепроверял, отправляя запросы на интересующих лиц (священно- и церковнослужителей) в управление Миссии. Начальник Миссии прот. Кирилл Зайц на подобные запросы отвечал, что подведомственное ему духовенство настроено антисоветски и неукоснительно исполняет все приказы немецкой администрации. Таким образом о. Кирилл отводил смертельную опасность от тех, кто «по милости» Амозова попадал под подозрение СД.

В конце концов терпение немцев кончилось. Чиновники псковского СД прислали в управление Миссии запрос относительно личности самого Амозова, интересуясь, «что Миссия намерена с ним делать» [*Дело 1118-44, Л. 116*]. Одновременно с этим стали приходиться делегации из Любятовского прихода, к которому был приписан в тот момент Амозов, «с просьбой убрать его, так как в церкви ругается, пробирает во время службы псаломщика,

певчих». А самое главное, на почве личной неприязни к прихожанам пишет доносы в СД [*Дело 1118-44, л. 714*].

Сведения о скандальном поведении Ивана Амозова дошли и до митр. Сергия (Воскресенского), который распорядился перевести его в Псковский кафедральный собор, чтобы члены управления Миссии могли контролировать его дальнейшие действия. Пробыв при соборе всего одну-две недели, Амозов вышел из повиновения начальству и впал в тяжелый запой. В итоге митр. Сергей своим указом запретил Амозова в священнослужении.

Осенью 1943 г. Амозов с покаянием пришел в управление Миссии. Отец Кирилл Зайц из жалости к несчастному простил его клевету и аморальное поведение и обратился с ходатайством к экзарху Сергию, который восстановил Амозова в правах священнослужителя. Последнее место служения Амозова — ст. Торошино, где тот продолжил свою порочную практику, не поделив «чего-то с церковным старостой и это дало ему опять повод обвинить последнюю (старостой храма была женщина. — К. О.) в политической неблагонадежности и в связи с партизанами» [*Дело 1118-44, л. 714*].

После эвакуации в Прибалтику в июне 1944 г. Амозов был арестован в Таллинне «ГФП»² и освобожден после прихода Красной армии 22 сентября 1944 года [*Дело 242-45, л. 96*]. Вскоре после возвращения в Ленинград Амозов вновь был арестован и вместе с другими членами Псковской православной миссии осужден по ст. 58 УК РСФСР на 20 лет лишения свободы в ИТЛ.

Подобные Амозову личности, безусловно, подрывали авторитет Псковской миссии, а их поведение служило соблазном для немощных в вере и поводом для обвинения клириков православной церкви в пособничестве оккупантам. Однако нужно отметить, что это исключительный случай — когда лжесвященник занимал должность благочинного. Что касается аморального поведения, провокаций и доносов, то это следствие жизненного опыта, который Амозов приобрел в годы службы на различных ответственных постах в Советском Союзе и которым он прекрасно воспользовался в годы оккупации, делая карьеру уже в новых условиях.

Многие сотрудники Миссии «сомневались в принадлежности Амозова к иерейскому сану, ибо предъявленные им документы о посвящении в сан священника внушали опасения в их подлин-

2. Geheimfeldpolizei (нем.) — эстонская полиция.

ности» [Дело 1118-44, Л. 714]. В своих рассказах о жизни при советской власти он зачастую путался: иногда уверял, что холост, но чаще говорил, что имеет жену и детей; не совпадали и сроки лет, проведенных им в заключении, и мера наказания [Дело 1118-44, Л. 714]. Несмотря на эти явные противоречия и небезосновательные подозрения миссионеров, лжесвященник так и не был официально изобличен и выведен из состава Псковской миссии.

Священник-миссионер Ливерий Воронов в письме на имя экзарха Сергия (Воскресенского) с горечью писал о том духовном ущербе, который принесла антицерковная деятельность самосвята Амосова:

...Иногда на миссионерском горизонте появлялись личности весьма «энергичные» вроде Амосова (так в документе. — К. О.) но такого рода «энергичность» причиняла лишь непоправимый вред Миссии. Помимо того что деятельность Амосова преступна сама по себе, она равносильна смертному приговору над самой Миссией в мнении православного русского народа и достойного русского духовенства. Не хочу останавливаться на этой печальной памяти деятельности Амосова, но должен сказать, что там, где побывал Амосов, православные люди затаили в сердце глубокое убеждение, что Миссия — это «коллекция “Амосовых”». Это печальный факт, с которым я столкнулся при своей недавней служебной поездке в Вырицу и Сиверскую. Когда же в интересах Миссии я должен был указать на то, что Амосов получил заслуженное наказание, то ответом было справедливое замечание: «О чем же думала в свое время Миссия, назначая Амосова на столь ответственный пост» [Бернев, 147].

* * *

Кроме существенной проблемы дискредитации служения Псковской миссии авантюристами и самозванцами в рясах, важно помнить и о другой трудности, которая возникает при рассмотрении феномена самосвяттов. Она затрагивает внутреннюю, духовную жизнь церкви в ее сакраментальном и мистагогическом измерении. Из воспоминаний членов Миссии нам известно, что в богослужениях и церковных таинствах участвовала значительная часть мирного населения. Так, например, свящ. Иоанн Легкий только за два месяца своего служения на Гдовской земле лично крестил 3,5 тысячи детей [Алексеев, Ставру, 149]. В храмах, открытых Псковской миссией, на литургиях были сотни молящихся. Священник-миссионер Владимир Толстоухов осенью 1941 г.

крестил свыше 1000 человек, за этот же период «погребено с заочными проводами свыше 2000 душ» [Дело 353, Л. 54].

Можно предположить, что в общее число верующих, участвовавших в таинствах на территории действия Псковской миссии, попали и те, кто, сами того не ведая, стали жертвами обмана самосвяттов, тех самозванцев, которые, может быть, и знали чинопоследование богослужений, но не имели посвящения в духовный сан и не могли преподавать таинства верным христианам. Другими словами — можно ли считать таинства, совершенные самосвятами, действительными, а значит спасительными и харизматичными?

Казалось бы, на это есть четкий ответ, который дает сама историческая действительность того времени. Заместитель Местоблюстителя патриаршего престола митр. Сергей (Страгородский) и его Синод приняли особое Постановление об отношении к священнодействиям, совершаемым «раскольничьим клиром». В нем все несогласные «с церковными действиями митрополита Сергия» были приравнены к обновленцам и григорианам. В частности было отмечено:

Таинства, совершенные в отделении от единства церковного... последователями бывшего Ленинградского митрополита Иосифа (Петровых), бывшего Гдовского епископа Дмитрия (Любимого), бывшего Уразовского епископа Алексия (Буя), как тоже находящихся в состоянии запрещения, так же недействительны, и обращающихся из этих расколов, если последние крещены в расколе, принимать через таинство Святого Миропомазания; браки, заключенные в расколе, также завершать церковным благословением и чтением заключительной в чине венчания молитвы «Отец, Сын и Святой Дух». Умерших в обновленчестве и в указанных расколах не следует, хотя бы и по усиленной просьбе родственников, отпевать, как и не следует совершать по их и заупокойную литургию. Разрешать только провода на кладбище с пением «Святой Боже» [Регельсон, 168–169].

Подобная непримиримая практика в отношении всех церковных групп, не поддерживающих общения с митр. Сергием (Страгородским), существовала на канонической территории Прибалтийского экзархата и Псковской миссии. Однако можно с уверенностью утверждать, что в данном случае это церковно-административное постановление было неоднозначным и не всегда становилось свидетельством воли Божьей и Его истины. Прежде всего, речь идет о так называемой «правой оппозиции»

митр. Сергию в лице «непоминающих», не принявших Декларацию 1927 года. Уже в постсоветский период Русская православная церковь канонизировала в лике святых новомучеников и исповедников веры Христовой целый ряд «непоминающих», тем самым признав ограниченность и порой нецерковность некоторых решений Синода и заместителя Местоблюстителя патриаршего престола митр. Сергия (Страгородского).

Естественно, эта оговорка не касается самосвятых, подобных Ивану Амосову, деятельность которых была самочинной, не освященной таинством Церкви в поставлении на пресвитерское служение. Однако и здесь есть сложный момент. По учению Церкви христианские таинства и священнодействия

совершаются в церковном собрании молитвенным призывом народа Божьего, который включает в себя как лаиков в узком смысле этого слова, так и церковную иерархию. Каждый лаик является совершителем священнодействий, но обязательно совместно со своим предстоятелем. Епископ или пресвитер, предстоятельствую народу Божьему, совершают священнодействия, но обязательно совместно с народом, без которого их предстоятельство было бы мнимым [Афанасьев, 39].

Последний тезис заставляет глубоко задуматься о важной роли прихожан в церковном возрождении на оккупированных территориях России. К этому следует добавить, что все церковные таинства совершаются народом Божиим во всей полноте, или, как писал протопресвитер Николай Афанасьев, «в Церкви священнодействует сама Церковь, глава которой есть Христос» [Афанасьев, 81]. Таинства совершает Сам Бог вместе со Своим народом. Исходя из этого можно предположить, что действенность таинств, даже совершаемых при участии недостойных предстоятелей или самосвятных лжеклириков, зависит еще и от истинной веры и преданности Церкви Христовой верных мирян, или лаиков. Как снова говорит протопр. Николай Афанасьев:

Священство принадлежит каждому, так как оно принадлежит Церкви, а потому каждый священнодействует, когда священнодействует Церковь. Народ Божий, которого сам Бог избрал, всегда свят, как свята всегда Церковь, независимо от греховности отдельных ее членов. Поэтому священнодействия всегда благодатно действительны, так как достоинство отдельных членов Церкви не делает недостойным священнодействие, совершаемое Церковью. Если бы священнодействие совершалось отдельными членами

Церкви, то недостойнство последних отражалось бы на недостойнстве самих священнодействий [Афанасьев, 40–41].

* * *

Эту церковную проблему можно рассмотреть на другом историческом примере, который также известен со времени деятельности Псковской миссии. Как уже было сказано выше, среди лжесвященников были те, кто стремился проникнуть на оккупированные земли и «под охраной священного сана» работать на советскую разведку [Дело 1118-44, Л. 96]. Как правило, терпимое, а порой и уважительное отношение солдат и офицеров Вермахта и военной оккупационной администрации к служителям православной церкви нередко служило надежным прикрытием для агентов разведывательного управления НКВД и партизанских связей.

Интересная информация, хотя пока и не подтвержденная документально, содержится в мемуарах одного из руководителей советской разведки в 1940-е годы П. А. Судоплатова:

Уместно отметить, — пишет он, — и роль разведки НКВД в противодействии сотрудничеству немецких властей с частью деятелей православной церкви на Псковщине и Украине. При содействии одного из лидеров в 30-х годах «обновленческой» церкви житомирского епископа Ратмирова и блюстителя патриаршего престола митрополита Сергия нам удалось внедрить наших оперативных работников В. М. Иванова и И. И. Михеева в круги церковников, сотрудничавших с немцами на оккупированной территории. При этом Михеев успешно освоился в профессии священнослужителя [Судоплатов. Остаток, 40].

Как видно из этого отрывка, советская разведка не только вовлекала в сферу своих интересов служителей православной церкви, но и внедряла в церковную среду своих агентов — профессиональных разведчиков, заручившись при этом поддержкой иерархов.

Сын генерала П. Судоплатова, А. Судоплатов, в книге о своем отце также упоминает о разработке церковного канала разведывательным управлением НКВД. Вслед за Судоплатовым-старшим он отмечает содействие епископа Ратмирова и митр. Сергия (Страгородского) операции по внедрению «...двух молодых офицеров НКВД в круг церковников, сотрудничавших с немцами на оккупированной территории». После успешной работы в окку-

пированном Калининe их перебросили «...под видом послушников в Псковский монастырь»³. Очень скоро «...два офицера “послушника” развернули в монастыре кипучую деятельность. Среди церковных служителей было немало агентов НКВД, что облегчало их работу» [Судоплатов. *Тайная жизнь*, 87].

Поскольку в подготовке советских разведчиков к роли православных священнослужителей активно участвовали иерархи РПЦ, то, по-видимому, во избежание всевозможных недоразумений эти офицеры НКВД были рукоположены. Таким образом, сакраментально они стали членами церкви и даже церковного клира. Но само использование таинств в нецерковных целях ставит целый ряд вопросов, в том числе о подлинном воцерковлении и личной вере этих разведчиков как условия их вхождения в народ Божий, а также о действительности и действенности совершенных ими церковных таинств. Этот феномен по сути аналогичен проблеме действенности таинств, совершенных самосвятами. Здесь мы имеем дело с внешним соответствием церковным канонам и внутренним глубоким противоречием, ведь таинство и служение Богу никогда не может быть инструментом или средством для достижения пусть не всегда греховных, но далеких от Евангелия Христова целей, какими являлись в данном случае задания советской разведки. Некоторые из таких разведчиков в рясах так или иначе продолжали свою деятельность в церковных структурах в СССР и в послевоенный период. Вопрос о подлинности и действенности церковной жизни в священнодействиях и таинствах не может быть разрешен раз и навсегда только внешним образом. Это зависит от готовности к служению всего народа Божьего в его соборной полноте, от веры и упования на Христа и Его Царствие.

Источники и литература

1. *Алексеев, Ставру* = Алексеев В., Ставру Ф. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. 1981. № 14. С. 118–154.
2. *Афанасьев* = Афанасьев Николай, прот. Церковь Духа святого. Рига : Балто-славянское общество культурного развития и сотрудничества, 1994. 328 с.
3. Речь идет о Псково-Печерском монастыре.

3. *Бернев* = Бернев С. К. Агитационно-пропагандистская деятельность нацистской Германии на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР в 1941–1944 : Цели, основные направления, крах : Дис. ... канд. ист. наук. СПб. : СПбГУ, 2008. 218 с.
4. *Груздев, Ганф* = Груздев Михаил, священник, Ганф Т. И. Протоиерей Владимир Ирадионов // Санкт-Петербургские Епархиальные Ведомости. 2002. Вып. 26–27. С. 146–152.
5. *Дело 1118-44* = Архив УФСБ РФ по Псковской области. Д. АА 10676, Т. 1, 2, 3 (Следственное дело № 1118-44 в отношении членов Управления Православной Миссии в освобожденных областях России Зайца К. И., Жунды Н. И., Перминова А. Я., Шенрока Н. С., Радецкого Г. И., Воронова Л. А., Амозова И. В.). Л. 1–747.
6. *Дело 242-45* = Архив УФСБ РФ по Псковской области. Д. 75661 (Следственное дело № 242-45 по обвинению Шаховского Константина Яковлевича). Л. 1–218.
7. *Дело 353* = Латвийский Государственный исторический архив (ЛГИА). Ф. 7469 (Синод Латвийской православной церкви). Оп. 2. Д. 353.
8. *Известия и распоряжения* = Известия и распоряжения по Миссии // Православный Христианин : Издание Православной Миссии в освобожденных областях России. Рига. 1942. № 2 / 3. С. 12.
9. *Кирилл (Начис)* = Кирилл (Начис), архим. Народ жаждал молиться, жаждал покаяния... // Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости. 2002. Вып. 26–27. С. 192–203.
10. *Обозный* = Обозный К. П. История Псковской Православной Миссии 1941–1944. М. : Издательство Крутицкого подворья : Общество любителей церковной истории, 2008. 607 с.
11. *Переписка* = Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-1633 (Псковская Православная Миссия периода временной немецко-фашистской оккупации 1941–1944). Оп. 1. Д. 1 («Сведения о священнослужителях. Переписка о выделении хлебных карточек воспитанникам приюта и слушателям Богословских курсов 1941–1943 гг.»). Л. 1–31.
12. *Регельсон* = Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви : 1917–1945 / С послесл. о. Иоанна Мейендорфа. Париж : YMCA-Press, 1977. 625 с.
13. *Судоплатов. Тайная жизнь* = Судоплатов А. Тайная жизнь генерала Судоплатова : Правда и вымыслы о моем отце. М. : Современник : ОЛМА-пресс, 1998. 548 с.
14. *Судоплатов. Остаюсь* = Судоплатов П. Остаюсь единственным живым свидетелем... // Молодая Гвардия. 1995. № 5. С. 19–43.
15. *Фотиев* = Фотиев Кирилл, прот. Попытки украинской церковной автокефалии в XX веке // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX

столетии : 1917–1950 гг. : Сб.; М. : Грааль, 1997. С. 7–85. (Материалы по истории церкви; кн. 14).

16. *Шкаровский. Политика Третьего рейха* = Шкаровский М. В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 гг. : Сборник документов. М. : Крутицкое патриаршее подворье : Общество любителей церковной истории, 2003. 366 с.
17. *Шкаровский. Церковь зовет* = Шкаровский М. В. Церковь зовет к защите Родины : Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. СПб. : Сатисъ, 2005. 620 с.

К. Р. Oboznu

Some Aspects of a Church Problem of False Priesthood on the Example of the Situation on the Temporary Occupied North-West Territories of Russia in 1941–1944

The problem of false priesthood and self sanctification in the church history became especially acute in times of social unrest, coups d'état and wars. During German occupation due to its strict church-canonical position Pskov Orthodox mission facilitated spiritual renaissance in many respects. At the same time according to memories of the witnesses and other documents there were cases of false priesthood. The article analyses causes, classification and spiritual consequences of this phenomenon.

KEYWORDS: false priesthood, self sanctificators, Pskov mission, Baltic exarchate, sacraments, church renaissance.